

Фольклорные образы в повести О.И. Сенковского «Записки домового»

Мазурина И.А.,

студент-магистр Московский государственный областной университет 105005, г.
Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

В статье рассматриваются фольклорные образы в повести О.И. Сенковского «Записки домового». Автором проанализирован корпус текстов по фольклористике и на основе этих работ сделан анализ художественного произведения. Доказано, что использование как традиционных фольклорных образов, так и образов, измененных автором, напрямую говорит о замысле и идее произведения.

Ключевые слова: фольклорные образы, фольклористика, фантастическая повесть, мифологический метод, сатира, сатирическая повесть.

Для цитаты:

Мазурина И.А. Фольклорные образы в повести О.И. Сенковского «Записки домового» [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 1. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Mazurina.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Mazurina I.A. Folklore images in the story of O.I. Senkovsky's "Notes of the House" [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 1, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Mazurina.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Повесть О.И. Сенковского «Записки домового» была написана в 1835 году, и впервые напечатана в журнале «Библиотека для чтения» (Том XIII, №86 за 1835 г., стр. 71 – 120), редактором которого являлся сам О. И. Сенковский. Это произведение, как и многие другие, было опубликовано под псевдонимом Барон Брамбеус, автор нередко прибегал к этому псевдониму, и скоро Барон Брамбеус стал неким образом, живущим своей жизнью и имеющим свои взгляды и идеи. Барон Брамбеус писал статьи для «Библиотеки...» и имел свою биографию («Фантастическое путешествие Барона Брамбеуса»). О. И. Сенковский был известен, как ученый-ориенталист, поэтому он и не хотел, чтобы его произведения ассоциировались с ним как с личностью, имеющей уже определенную репутацию в обществе. В связи с этим он взял себе литературный псевдоним. К тому же в те годы многие знаменитые писатели публиковались не под своими именами.

«Записки домового» - сатирическая повесть, высмеивающая ученые изыскания того времени. Однако в данной работе нам бы хотелось проследить истоки появления фольклорных образов в произведении (например, образа домового) и определить, как это влияет на все произведение в целом, как фольклорный образ помогает воплотить общий замысел.

Повествование в произведении ведется от первого лица, от лица героя-рассказчика. Уже благодаря названию повести и подзаголовку («Рукопись без начала и без конца, найденная под голландскою печью во время перестройки»), мы можем понять, что главным героем будет домовый.

Для того чтобы мы могли четко представить, кто же такой домовый и каковы истоки этого образа, необходимо обратиться к работам по фольклористике.

В традиционном понимании домовый – это душа жертвы (человека или животного), принесенной во время строительства дома. В более поздних верованиях, когда принесение жертвы было заменено другими обрядами, домовым считалась душа человека, который первым умер в доме. Раньше прочих порог нового жилища переступал пожилой человек, т.к. считалось, что он скоро должен будет умереть и стать духом этого дома. Отсюда и традиция первым в новый дом пускать курицу или кошку, таким образом отводя им роль жертвы, а соответственно и домового [Криничная 2004:].

Также нередко домового представляют как синтез душ всех умерших предков.

Б.А. Успенский в своей работе «Филологические изыскания в области славянских древностей» говорит о том, что домовый, прежде всего, - это одно из воплощений Рода. Он пишет: «Показательно сообщение Даниила Заточника, что «дѣтибѣгають Рода» (Зарубин, 1932, с. 24), где, по всей вероятности, слово род обозначает домового, — ср. род «домовой», рода «призрак» (Даль, IV, с. 10—11) и вместе с тем роды «предки» (Якобсон, 1959, с. 267). Ср. также такое название для домового как родитель и вообще очевидную связь домового с культом предков (см. ниже, экскурс XIV); при этом слово родитель по отношению к усопшим означает не столько п р е д к о в , сколько вообще р о д с т в е н н и к о в (таким образом именуются, например, и те члены рода, которые умерли во младенчестве и не оставили по себе потомства), и поэтому было бы точнее говорить вообще не о культе предков, но именно о к у л ь т е р о д а (связь понятий «предок» и «родитель» отразилась в современном молодежном жаргоне, где, напротив, слово предок выступает в значении «родитель») [Успенский, Б. А. 1982:]

Большой интерес для нашего исследования представляет также работа М.Забылина «Русский народ», в которой он выделяет признаки домового:

- домовый – это дух, не имеющий телесного воплощения;
- домовый не делает зла (по мнению М. Забылина, это его и отличает от Сатаны);
- живет на печи, что очень важно для нашего исследования, если вспомнить подзаголовок повести О.И. Сенковского;
- если домовому нравятся хозяева дома, он может предупредить их о несчастье (бьет дверьми, издает различные звуки, воеет, плачет), если же нет, он может бить посуду или другие предметы (здесь, скорее всего, имеется в виду то воплощение домового, которое сегодня называют полтергейстом).

Важно отметить, что эти признаки в целом не могут описать домового, т.к. его воплощения разнятся в зависимости от времени и источника. Наиболее полно эту проблему осветила Н.А. Криничная, и в дальнейшем мы будем опираться преимущественно на ее работу.

Теперь попробуем разобраться, как же домовый представлен у О.И. Сенковского.

Начнем с подзаголовка: «Рукопись без начала и без конца, найденная под голландскою печь во время перестройки».

Рукопись. Значит, у домового есть руки, он может писать, вследствие чего мы можем сделать вывод, что это не просто дух, он имеет телесное воплощение, что уже противоречит представлениям, описанным в работе М.Забылина.

«Рукопись без начала и конца...» Вначале мы видим, что рукопись как будто сохранилась не полностью, и даже если герой вел свой дневник ранее, мы почти ничего не знаем о его жизни. Такой прием очень характерен для романтизма. Это помогает создать тайну, которая,

правда, так и не будет раскрыта. К тому же, рассказ от первого лица помогает нам лучше понять душу героя, - это тоже прием, больше характерный для романтизма.

Из «прошлой» жизни домового мы можем узнать только о том, как и от чего он умирал (от чахотки). И то, что у него есть две сестры и жена. Жена, которую он очень любил, как и она его. Возможно, именно эта любовь сделала из него домового. Существуют поверье о том, что души умерших становятся домовыми, чтобы всегда быть рядом со своими близкими.

Также интересно представление самого домового (героя повести О.И. Сенковского) о смерти как о некоем благе. Смерти боится только наше тело, душа смерти совсем не боится, потому что только телу она грозит разрушением. И после смерти единственное, что остается от человека, - это разум. Не чувства, не эфемерная душа, а разум, точнее, разум и есть душа.

«Состояние человека невыразимо с той минуты, как плоть отказывается от дальнейшей работы на его существо и предоставляет зданию ведению неведущего начала, духа, или, как его зовут часто, разума. Разум светистой волною разливается тогда по всему телу и выходит из него во все поры в виде радужного, нематериального испарения; оно образует около него эфирное облако: тело как бы завешано в атмосфере своего духа. Я тут впервые увидел мысль вне человека» [Сенковский, О.И. 1990. С.48]

«Весь мой дух скопился около юной супруги; я окружил еще недавно обожаемую женщину своей душой, которая лелеяла ее в своих объятиях, проникала во все ее чистое и красивое тело и смешивалась внутри его с ее духом. Это не была любовь, потому что я уже не мог любить, но нечто торжественнее любви: милое женское существо, с поникнутою головкою и заломанными руками, сидело в облаке неземного света, который дивным образом усиливал ее прелести и придавал ей почти небесную красоту» » [Сенковский, О.И. 1990. С.49]

Здесь рисуется очень противоречивая картина. Дух, который оставил после себя записки. И дух, который руководствуется только разумом и больше не может любить. К тому же этот дух считает смерть высшим благом. Жаль, что мертвецы не могут еще раз умереть, «одним наслаждением больше».

Домовой описывает свой разговор с «мертвецом». И отсюда можно сделать вывод, что домовые по статусу выше, чем обычные мертвецы. Со свойственной О.И. Сенковскому сатирой, преимущество домовых он (а точнее, мертвец) видит в возможности украсть у людей любой предмет.

Мертвец выглядит, как скелет. То есть у него есть плоть. И этот скелет бывший хозяин дома - Иван Иванович. Он пришел в гости к домовому с кладбища. Почему он сам не стал домовым? Это немного противоречит поверьям, о которых можно прочесть в работах по фольклористике.

«Я подошел к камину, взял ее в руки и хотел положить в жаровник, потому что не люблю беспорядка и вовсе не одобряю тех домовых, которые ночью переставляют стулья и вытаскивают подушки из-под голов, как кто-то вдруг схватил меня за шею и стал душить, целуя изо всей силы» » [Сенковский, О.И. 1990. С.51]

Еще одна особенность домового, описанная во многих работах, - домовые не любят беспорядка. Однако обычно домовые переставляют предметы, желая отомстить нерадивой хозяйке, например, за неубранную на ночь посуду. Наш же герой, наоборот, не одобряет таких домовых и считает, что это они наводят беспорядок, переставляют предметы в доме.

Далее домового кто-то начал душить, хотя обычно душат людей сами домовые:

« Также наваливается во время ночи на спящего и давит его так, что в это время нельзя ни пошевелиться, ни сказать слова. Обыкновенно эта стена наваливается на того, кто спит на

спине, в это время спрашивает, к худу или к добру, а домовый отвечает мрачным голосом «да» или «нет»» [Забылин М. 2014]

Другом нашего домового оказывается черт Бубантес (черт журналистики, также встречается в повести О.И. Сенковского «Большой выход у Сатаны»). Хотя, несмотря на то, что домовые - порождение языческого миропонимания, христианством они также не отрицаются, и они не боятся икон и молитв. Однако наш домовый не очень-то совместим с христианством, он ближе к нечистой силе.

Зовут домового Чурка. Это имя дал О.И. Сенковский своему герою неспроста, вот, что пишет об этом Н.А. Криничная: «Зооморфный символ домового, живущего в печурке, зафиксирован и поговоркой: «Была и кошурка, да ушла в печурку». Его семантические эквиваленты содержатся и в других паремиях: «Вылез, как чура из печуры», а также в загадках: «У нас в печурочке золотые чурочки» (отгадка: дрова в печи). Поскольку Чур («чур меня!») или Щур («пращур») — по мнению некоторых исследователей, предок, дед, все тот же домовый, а «чурка» — его деревянное изображение, появившееся, очевидно, тысячу лет тому назад (эквивалент: полено средних размеров), локализация «чурок» («чурочек») в печурке усиливает отождествление названных персонажей» [Криничная Н.А. 2004]

Иван Иванович – хозяин дома, пришел в свой бывший дом к супруге. И пусть он грешен, и даже после смерти его трудно назвать джентльменом, он, кажется, любит свою жену, и это держит его здесь, на земле, рядом с домом. В этом факте отражается древнее поверье о том, что мертвецы любят приходить к своим бывшим возлюбленным и плакать. Они как будто и после смерти сохраняют свои прежние привычки.

Иван Иванович так и остается хозяином дома, пусть даже мертвым, а Чурка – его домовым.

Чурка любит свою хозяйку. Он хочет видеть ее добродетельной. Ему неприятны «шутки» Бубантеса, но все-таки он им поддается. Такова природа человека, ничего не поделать.

При написании повести О.И. Сенковский явно опирается на фольклорные образы, однако, пересматривает их в соответствии с замыслом своего произведения. Домовые, черти и мертвецы меняются, потому что меняется мир вокруг них. Люди вокруг настолько порочны, что это влияет даже на потусторонние миры. Главная особенность повести – это, конечно же, сатирический пафос, которому и подчиняются все прописанные образы.

Литература

1. *Забылин, М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. В 4 ч. / О. А. Платонов. М.: Инст. русской цивилизации, 2014. 688 с.
2. *Каверин, В.А.* Барон Брамбеус. История О. Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения» / В.А. Каверин - М.: Художественная литература, 1966. 239с.
3. *Криничная, Н.А.* Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический проект, 2004. 1008с.
4. *Сенковский, О.И.* Записки домового: фантастические повести / О.И. Сенковский. М.: Правда, 1990. - 406с.
5. *Успенский, Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей / Б.А. Успенский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.С.

Folklore images in the story of O.I. Senkovsky's "Notes of the House"

Mazurina I.A.,

Student-master of Moscow State Regional University 105005, Moscow, ul. Radio, 10A, Russian Federation

Folklore images in O.I. Senkovsky's "Notes of the Brown Man." The author analyzes the corpus of texts on folklore studies and based on these works an analysis of the work of art is made. It is proved that the use of both traditional folklore images and images modified by the author directly speaks about the idea and idea of the work.

Key Words: folklore images, folklore, fantastic story, mythological method, satire, satirical novel.

References

1. Zabilin, M. Russian people. His customs, rituals, traditions, superstition and poetry. At 4 o'clock / OA Platonov. M.: Inst. Russian Civilization, 2014. 688 p.
2. Kaverin, V.A. Baron Brambeus. The story of O. Senkovsky, journalist, editor of the "Library for Reading" / V.A. Kaverin-M.: Fiction, 1966. 239p.
3. Krinichnaya, N.A. Russian mythology: The world of images of folklore. Moscow: Academic Project, 2004. 1008p.
4. Senkovsky, O.I. House notes: fantastic stories / O.I. Senkovsky. M.: True, 1990. - 406s.
5. Uspensky, BA Philological research in the field of Slavic antiquities / B.A. Assumption. Moscow: Izd-vo Mosk. University, 1982. S..